АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

Ю. А. СОЛОДУХО

ЗНАЧЕНИЕ ЕВРЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДЛЯ ИСТОРИИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Вопрос о производственных отношениях на Ближнем Востоке в первые века нашей эры, в период, предшествовавший его завоеванию арабами, до сих пор остается не вполне решенным. Скудость имеющихся материалов не позволяет с достаточной определенностью установить характер социально-экономической структуры стран Ближнего Востока в указанный период и существовавший в них способ производства.

Большое значение имеет поэтому привлечение для разрешения указанных вопросов содержащихся в еврейских источниках раннего средневековья, в так называемой талмудической литературе, обширных материалов о производственных отношениях среди еврейского населения стран Ближнего Востока — Ирака и Сирии — в первые века нашей эры.

Эти материалы, чрезвычайно ценные для истории всей Передней Азии во время господства Римской империи и аршакидского и сасанидского Ирана, были вообще, вплоть до настоящего времени, крайне мало использованы историками; тем менее они были использованы для решения соответствующих социально-экономических проблем. В таких целях и в таком разрезе материалы еврейских литературных памятников раннего средневековья до сих пор совершенно не исследовались, несмотря на то, что в них особенно много данных как бытовых, так и правовых именно о производственных отношениях в различных областях хозяйственной жизни еврейского общества Ирака и Сирии II—V вв. н. э.

Мы находим в них, напр., подробнейшие указания о производственных отношениях в основной отрасли производства упомянутого общества — в сельском хозяйстве: о происходившем процессе концентрации земли и обезземеливания мелких землевладельцев; о положении непосредственных производителей в сельском хозяйстве: землевладельцев — мелких собственников, арендаторов, издольщиков, засадчиков, рабов и наемных работников; об эксплоатации их земельной знатью и зажиточными землевладельцами и т. д.

Результаты нашей долголетней работы в этой области должны, смеем думать, если не заполнить этот существенный пробел в исторической науке о Ближнем Востоке первых веков нашей эры, то во всяком случае вызвать интерес историков к еврейским источникам раннего средневековья, убедить каждого беспристрастного историка в их большой значимости для исторической науки, в необходимости дальнейшего их изучения и исследования. Наши работы [1] и достигнутые в них нами выводы должны, как нам кажется,

[1] «Рабство в еврейском обществе Ирака и Сирии II—V вв. н. э.»; «Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирака в первой половине VI в.» (Вестн. древн. ист., 1940, № 3—4, стр. 131—145); «Подати и повинности в Ираке в III—V вв. н. э.» и др.

служить неопровержимым доказательством того, какое громадное количество фактического материала таится в еврейских источниках раннего средневековья и какие ценные в историческом отношении выводы можно сделать на основании этого материала при освещении его с точки зрения марксистско-ленинской методологии и правильном его анализе.

В целях показа правильности вышесказанного, мы даем здесь из подготовленного нами к печати исследования «Землевладение и землепользование в Ираке и Сирии II—V вв. н. э.» две главы: об эксплоатации в сельском хозяйстве Ирака и Сирии того времени труда рабов и наемных работников.

В Ираке и Сирии, начиная со II в. н. э., происходил сильный процесс изменения состава землевладельцев и характера производственных отношений между землевладельцами и непосредственными производителями.

В Ираке, на ряду с крупным землевладением наследственной земельной знати, сановной аристократии и откупщиков государственных податей, появились новые слои зажиточных средних землевладельцев, выдвигавшихся из среды разбогатевших торговцев, ремесленников, а иногда и мелких землевладельцев.

Мелкое землевладение вытеснялось в Сирии крупным землевладением, а в Ираке — крупным и средним. Большинство мелких землевладельцев обезземеливалось, лишалось своего хозяйства и переходило на положение арендаторов, издольщиков и наемных работников. Остальные теряли большую часть своих участков и сохраняли лишь ничтожные карликовые хозяйства, недостаточные для их существования. Вследствие этого, запутавшись в многочисленных долгах, они попадали в кабалу к крупным и средним землевладельцам, оказывались в полной зависимости от них.

Закабаление землевладельцами арендаторов и издольщиков совершалось еще быстрее, чем закабаление мелких землевладельцев; арендаторы и издольщики постепенно оказывались прикрепленными к земле, лишались фактически возможности оставлять арендуемые ими или взятые в издольщину участки и перейти на другие участки.

Поместья земельной знати, высшей сановной аристократии и крупных откупщиков податей в Ираке обрабатывались в основном рабами; поля же, огороды и плодовые сады зажиточных землевладельцев преимущественно отдавались мелкими парцеллами в аренду или издольщину.

В Сирии использование труда рабов в земледелии имело бóльшее значение, чем в Ираке, в связи с бóльшим удельным весом крупного землевладения и обширными размерами латифундий земельной знати. Однако и в Сирии значительные земельные площади отдавались арендаторам и издольщикам и обрабатывались ими.

Под влиянием усилившегося процесса разложения рабства произошли большие изменения в методах и формах эксплоатации рабского труда; труд рабов рабовладельцы стали использовать на иных, совершенно новых основаниях. Многих из рабов рабовладельцы прикрепляли в индивидуальном порядке непосредственно к земле, помещали каждого из рабов на отдельный земельный участок для самостоятельной обработки, с предоставлением ему права пользования частью урожая обрабатывавшегося им участка, или с условием выдачи ему определенного количества продуктов.

Среди непосредственных производителей в сельском хозяйстве, на ряду с мелкими землевладельцами, арендаторами, издольщиками и рабами, имелось значительное количество также и батраков и поденных работников.

В результате резкой социальной дифференциации земледельческого населения, гнета крупных землевладельцев и беспощадной эксплоатации непосредственных производителей, зарождение новых производственных

отношений происходило в обстановке непрерывной ожесточенной классовой борьбы.

Мелкие землевладельцы пытались отстоять свою самостоятельность, сохранить свое мелкое хозяйство от поглощения его крупными землевладельцами. Издольщики и арендаторы боролись против своего закабаления землевладельцами, против кабальных условий договоров об аренде и издольщине и бесконечных тягот «местных условий» обработки земли. Различные группы наемных работников боролись против эксплоатации со стороны землевладельцев, против превращения их в батраков, не имеющих даже собственной одежды; рабы боролись против рабовладельцев.

Классовая борьба между землевладельцами и непосредственными производителями осложнялась противоречиями среди самих землевладельцев. В Ираке все более усиливались противоречия между земельной знатью, сановной аристократией и откупщиками податей, с одной стороны, и выдвигавшимися зажиточными средними землевладельцами, с другой. В то время как первые являлись представителями отсталого рабовладельческого способа производства, последние пользовались, главным образом, трудом арендаторов, издольщиков и наемных работников. Нуждаясь в земельных площадях, новые группы землевладельцев стремились получить доступ к законсервированным наследственным поместьям земельной знати.

Классовая борьба среди еврейского населения привела в Ираке в начале VI в. к восстанию против иранского правительства, ставшего на сторону земельной знати, сановной аристократии и откупщиков податей.[1]

В Сирии классовая борьба среди еврейского населения переплеталась с борьбой против гнета римских завоевателей, хищений римских чиновников и непосильных налогов и привела к непрерывной цепи восстаний, с одной стороны, против римского владычества, с другой, — против земельной аристократии и ее представителей — патриархов.

Несмотря на суровую расправу римских усмирителей с повстанцами, борьба не прекращалась. Повстанческое движение, иногда приводившее к открытым восстаниям, иногда ограничивавшееся партизанской борьбой, продолжалось все время. Угнетенные классы еврейского населения вновь и вновь брались за оружие, пытаясь сбросить с себя как ярмо римской тирании, так и ярмо своей собственной земельной знати.

I

1. Многие отрывки еврейских источников раннего средневековья свидетельствуют о широком применении в земледелии труда рабов. Так, напр., на вопрос: «Кто богат? — кого надо считать богатым?» Тарфон (конец I в. и первая половина II в.) отвечает: «Всякий, у кого имеется 100 виноградников и 100 полей и 100 рабов, которые обрабатывают их».[2] Из этого ответа вытекает, что поля и виноградники считались особенно большим богатством при наличии у владельца соответствующего количества рабов, используемых для их обработки. В связи с обсуждением вопроса о том, кому принадлежит вещь, найденная покупателем в купленном им у кого-либо зерне, задается вопрос: «Разве владелец [поля] сам молотил их [проданные зерна]?» — на что Нахман (ум. в Ираке около 320 г.) отвечает: «Молотили их раб его и рабыня его из не-евреев».[3] В другом талмудическом отрывке, где говорится о захвате чужих земельных угодий, сказано: «Если несовершеннолетний возьмет рабов своих, пойдет в поле ближнего своего

[1] Подробно об этом в нашей работе «Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирака в III—V вв. н. э.» (Вест. древн. ист., 1940, № 3—4, стр.131—145).

[2] Tb, Šabbåt 25b.

[3] Tb, Båvå mṣi'å 27a.

и скажет: „Мое оно“»[1] — предполагается, что для обработки захваченного поля обязательно потребуются рабы.

Рассказывается также о продаже ʿir šäl ʿavådim (עיר של עבדים — город с рабами) и dasqartå[2] (или disqartå) d-ʿavde (דסקרתא דעבדי — поселение с рабами).

Под этими «городами с рабами» и dasqartå подразумеваются большие поместья, обширные земельные угодья, продававшиеся вместе с рабами, их обрабатывавшими, — следовательно, имелись крупные латифундии, обрабатывавшиеся рабами. Рассказ о продаже dasqartå с рабами находится в вавилонском Талмуде[3] и по контексту относится именно к Ираку. Рассказ же о продаже «города с рабами» встречается дважды — в иерусалимском и в вавилонском талмудах.[4] В первом рассказе упоминается Раввина, живший во второй половине IV в. и в начале V в. н. э. в Ираке, второй же рассказ передается от имени Иошуи б.-Леви, жившего в III в. н. э. в Сирии. Таким образом мы видим, что рабовладельческие поместья имелись как в Сирии, так и в Ираке.

О применении в земледелии труда рабов говорит и то, что указания о наличии большого количества рабов особенно часто встречаются в талмудической литературе именно по отношению к землевладельцам, особенно к крупным землевладельцам. Эксиархи и члены их рода в Ираке, патриархи и члены их рода в Сирии, равно как и другие крупные землевладельцы, владевшие большими поместьями, обладали также и большим количеством рабов.

Мы находим также указания на то, что не только пользовались трудом рабов для обработки собственных полей, но и предоставляли своих рабов за вознаграждение для полевых работ другим. Имеется даже постановление о том, что при найме раба для полевых работ нанимающий его может специально условиться с рабовладельцем о запрещении рабу есть во время работы продукты обрабатываемого поля;[5] в этом случае рабовладелец, предоставивший раба другому, получал дополнительно плату по сравнению с обычной суммой оплаты за использование раба.[6] Рабы часто сдавались в наем на земледельческие работы вместе с рабочим скотом; обсуждался вопрос о том, ответственен ли наниматель за сохранность нанятого им скота, если он нанял вместе со скотом также и раба.[7]

Труд рабов был иногда столь необходим для земледелия, что Элеазар б.-Азария заявляет даже: человек может обойтись без своего поля, так как «может он довольствоваться b-distoin (בדיסתורין)» — полем, арендованным у других, но «не может он обойтись без труда [рабов]».[8] Рабба (IV в., в Ираке) заявляет: «Кто отпускает своих рабов на свободу — разоряется, теряет свои владения»,[9] так как некому их тогда обрабатывать.

2. Особенно большой интерес представляют указания еврейских источников, свидетельствующие о появлении в рассматриваемое время в Сирии и в Ираке также и особой, новой формы эксплоатации труда рабов в земледелии. Эта новая форма использования рабов выражалась в том, что земле-

[1] Tb, Båvå qammå 112b.

[2] Dasqartå — персидское слово (daskarah), означающее: город, село, поселение, замок, окруженный службами.

[3] Tb, Gittin 40a.

[4] Tj, Jvåmot VII, 1, 8d; Tb, Jvåmot 48b.

[5] Обычно работавшие по найму в земледелии имели право есть продукты обрабатываемого ими поля (Mišnåh, Bavå msi'å VII, 2—8).

[6] Mišnåh, Bavå msi'å VII, 6.

[7] Tb, Båvå msi'å 96a.

[8] Tb, 'Aråxin 28a.

[9] Tb, Gittin 38b.

владелец помещал раба на отдельный участок, поручив ему обрабатывать такой «надел» с условием выдачи рабу определенного количества продуктов для его пропитания или с предоставлением ему права пользоваться частью урожая.

О постепенном внедрении такого «рабского держания» земли (la tenure servile)[1] говорят, во-первых, указания о выдаче рабовладельцем рабу довольствия сразу на определенный промежуток времени. В случае выделения раба на отдельный участок, он обычно получал в известные сроки довольствие от рабовладельца, вероятно, от урожая обрабатываемого им же участка. Продолжительность промежутка времени, на который выдавалось это довольствие, зависела — по словам еврейских источников — от того, доволен ли рабовладелец рабом или нет.[2] При этом указывается, что рабу выгоднее, если господин выдает ему довольствие сразу на более продолжительный срок, так как «жернова мелят [теряется при молотьбе] от кора [большая мера зерна] то же, что от каба [малая мера]; тесто съедает [теряется при печении хлеба] от кора то же, что и от каба».[3]

Во многих отрывках еврейских источников подобное довольствие, получаемое рабом от рабовладельца, обозначается термином prås (или påråš — פְּרָס, פֻּרָס).[4] Значение этого термина не было до сих пор правильно понято. Большинство переводчиков и комментаторов талмудической литературы ошибочно считает, что prås обозначает в талмудической литературе понятие «подарок»;[5] некоторые правильно переводят prås словом «вознаграждение»,[6] но не понимают, какое именно вознаграждение здесь подразумевается.

Такие выражения, как: «Похоже на раба, который просит prås от господина»,[7] «Как раб, который берет prås от господина своего, поворачивается назад [чтобы уйти] и кланяется [в знак благодарности]»,[8] «Раб требует prås свой только близко к [сроку, установленному для выдачи] prås его»,[9] «Не будьте как рабы, которые обслуживают господ своих с тем, чтобы получить prås»[10] и многие другие подобные отрывки с несомненностью показывают, что во всех этих случаях термин «prås» обозначает вознаграждение за работу, которое раб получает от рабовладельца. При этом prås обозначает именно определенное довольствие, выданное рабу сразу на определенный промежуток времени, что показывает следующий отрывок, в котором для обозначения одного и того же понятия употребляются то

[1] Фюстель де-Куланж, исследуя вопрос о «рабском держании» в Риме, приходит к следующим выводам: «С первых веков империи земельные собственники прибегали к разным способам хозяйствования на своих имениях. Один из них выражался в помещении на особо выделенных участках, как бы в виде съемщиков, не свободных людей, приходивших извне, а людей, выбиравшихся из числа собственных рабов. В продолжение долгого периода самым распространенным способом эксплоатации больших поместий в римской империи была обработка его всеми рабами (familia rustica), собранными вместе. Но параллельно с таким общим порядком мало-помалу начал устанавливаться другой, который сперва появлялся довольно редко, как бы в виде исключения, но незаметно стал распространяться и в конце концов даже получил преобладание. Он выражался в том, что землевладелец помещал отдельного раба на особый выделенный участок и поручал ему обрабатывать такой надел с предоставлением пользоваться урожаем на известных условиях (Римский колонат, стр. 56, 59. СПб., 1908).

[2] Tb, Ta'anit 19b.

[3] Ibid.

[4] Mišnåh, Åvot 1, 3; Tj, Ta'anit 1, 1, 63c; Tb, Bråxot 34a; 'Enuvin 72b и 73a; Ta'anit 25b; Båvå batrå 25a.

[5] Jacob Levy. Wörterbuch über die Talmudim und Midrasehim, IV, 124, s. v. פרס.

[6] Karl Marti — Georg Beer. Abot. Die Mischna, herausgeg. von G. Beer. Verlag von Alfred Töpelmann in Giessen, 1927.

[7] Tb, Bråxot 34a; Ta'anit 25b.

[8] Tb, Båvå batrå 25a.

[9] Tj, Ta'anit 1, 1, 63c אין העבד תובע פרסו אלא סמוך לפרסו.

[10] Mišnåh, Åvot 1, 3.

слово prâs, то слово parnâsâh (פרנסה) — довольствие, пропитание: «Когда раб услуживает господину своему в полной мере, он [раб] требует prâs свой от него, [так как] сказал Иошуа: „С того времени, что раб услуживает господину своему в полной мере и господин его доволен им, — он [раб] требует parnâsâh свое от него“». [1] Мы видим, таким образом, что термины «prâs» и «parnâsâh» идентичны; слово же «parnâsâh» определенно означает в талмудической литературе «довольствие», «пропитание». Правильность нашего определения понятия «prâs» показывает также отрывок, в котором говорится о человеке, имеющем «пять жен, получающих prâs от мужа своего и пять рабов, получающих prâs от господина своего»; [2] по контексту этого отрывка слово «pras» можно понимать только как довольствие, выдаваемое на определенный срок.

Иногда рабу, выделенному на самостоятельный участок, вместо выдачи ему рабовладельцем довольствия предоставлялась часть дохода от его труда.

В еврейских источниках несколько раз повторяется указание на то, что рабовладелец может заявить рабу: «Высчитай [бери] труд твоих рук для твоего пропитания».[3] Одновременно отмечается, что «труд рук его [такого раба] принадлежит господину»,[4] и в пояснение этого сказано, что рабовладельцу принадлежат «излишки» (haʿadâfâh העדפה) раба.

Эти указания говорят о такой форме «рабского держания» земли, при которой размеры получаемого рабом довольствия зависели от размеров урожая обрабатываемого им участка. На вопрос о том, почему оказалось необходимым особое постановление о принадлежности излишков господину, что «само собой понятно», — дается следующий ответ: «Можно было думать: если он [господин] не дает ему [рабу], когда у него нет [когда доходы раба недостаточны для его пропитания], то когда он [раб] имеет [излишки], он [господин] не должен взять у него, — поэтому пришлось это сказать».[5]

Таким образом при такой форме выделения раба на самостоятельный участок рабовладелец иногда забирал себе «излишки» плодов урожая сверх того количества, которое было необходимо рабу для его пропитания, и в то же время ничего не давал рабу от себя в случае неурожая, когда доходы раба оказывались недостаточными для его пропитания.[6] Заранее устанавливалось, какая часть из доходов от труда раба может быть употреблена им для своего питания и какая часть должна поступить в пользу рабовладельца. В соответствии с этим раб обязывался вносить рабовладельцу в установленные сроки определенный эквивалент своего дохода или определенную долю урожая.

Иногда, наконец, раб распоряжался даже всем урожаем обрабатываемого им участка, но одновременно должен был работать также на рабовладельца, на его полях. Так, видимо, следует понимать заявление еврейских источников о том, что рабовладелец может сказать рабу: «Работай на меня, а кормить я тебя не буду» [7] — предполагается, что раб, работая на рабовладельца, кормится урожаем обрабатываемого им самостоятельного участка.

Анализ отрывков еврейских источников, содержащих рассмотренные нами указания о новых формах эксплоатации рабов, о «рабском держании»

---

[1] Tj, Taʿanit 1, 1, 63c.
[2] Tb, ʿEruvin 73a.
[3] Tb, Gittin 12a. צא מעשה ידיך למזונותיך.
[4] Ibid. מעשה ידיו לרבו
[5] Tb, Gittin 12a. מהו דתימא כיון דכי לית ליה לא יהיב ליה כי אית ליה נמי לא לישקול מנייה קמ"ל.
[6] Ibid.
[7] Tb, Gittin 12a и b;13a; Ktubot 43a; 58b; Bâvâ qammâ 87b; Bâvâ mṣiʿâ 93a יכול הרב לומר לעבד עשה עמי ואיני זנך

земли, позволяет также наметить и некоторую последовательность изменения условий выделения раба на самостоятельный участок.

Указания о выдаче рабу довольствия на определенный промежуток времени, о выдаче рабу prâs относятся в основном к более ранней части рассматриваемого периода. Почти все лица, упоминаемые в содержащих такие указания отрывках, жили во втором столетии: Элеазар б.-Паратта, Иегуда б.-Батира, Иегуда б.-Баба, Самуил Катан и др. Указания же о получении рабом определенной доли урожая или о работе раба на своем участке, урожай которого целиком поступает в его распоряжение, и одновременно на поле рабовладельца, находятся в более поздних источниках — в вавилонском Талмуде, составлявшемся в III—V вв. н. э. Соответствующие отрывки анонимны, но, тем не менее, по характеру изложения и по стилю можно судить о более позднем их происхождении.

Мы имеем, таким образом, не только явные указания на зарождение между еврейскими рабовладельцами Ирака и Сирии и их рабами новых отношений, напоминающих барщинные и оброчные отношения времен феодализма, но можем даже проследить изменение, развитие этих новых производственных отношений на протяжении рассматриваемых веков.

II

1. Сельскохозяйственные наемные работники бывали различного рода и положения — временные, сезонные, постоянные, «предприниматели», т. е. взявшиеся за известную плату выполнить какую-либо сельскохозяйственную работу, и т. д.

Работник, нанимавшийся временно для полевых работ, назывался «poel» (פועל 'работник');[1] работник, работавший у одного и того же землевладельца длительный срок и живший в его доме, носил название «śâxir» (שכיר 'нанятый', 'наемный')[2] или «lâqiṭ» (לקיט 'собиратель').[3] Различие между śâxir и lâqiṭ заключалось в том, что śâxir нанимался на определенный срок и получал от землевладельца лишь продовольствие, а одежду имел собственную, lâqiṭ же жил у землевладельца в качестве постоянного батрака и, не имея своей, получал от землевладельца также и одежду. Указывается, что «оценивают находящееся на нем» (lâqiṭ'e)[4] — когда Lâqiṭ уходил от землевладельца, оценивали одежду, находившуюся на нем, чтобы при окончательном расчете высчитать ее стоимость из следуемого ему от землевладельца вознаграждения.

Временные работники, poalim, нанимались чаще всего поденно, но иногда также и на более продолжительное время: на неделю, месяц и еще больший срок.[5] Śâxir нанимался на год, два, три и т. д. Временные работники нанимались преимущественно для ирригационных работ,[6] в частности,

---

[1] От глагола pâal 'работать', 'делать'; чаще встречается во множественном числе — poalim (פועלים).

[2] От глагола śâxar 'нанимать'.

[3] Tj, 'Eruvin VI, 23c; Tb, 'Eruvin 64; Svu'ot 46b; Bâvâ msi'â 110b. От глагола lâqaṭ 'собирать', 'подбирать'. Название этой категории наемных работников показывает, что они вербовались из беднейших слоев населения, не имевших никаких средств к существованию, принужденных собирать для своего пропитания оставшиеся на поле после жатвы колосья (לקט — läqät).

[4] Tb, Ktubot 54a.

[5] Mišnâh, Bâvâ mṣi'â IX, 11.

[6] Tb, Bâvâ mṣi'â 76a.

для черпанья воды и поливки полей, [1] для того, чтобы пахать [2] и полоть,[3] для жатвы,[4] сбора плодов,[5] охраны полей и токов [6] и т. д. Сторожа полей и токов нанимались иногда сообща всеми землевладельцами какого-либо целого округа.[7]

Часто работники нанимались не поденно или понедельно, а брались за определенную плату выполнить ту или другую земледельческую работу, напр. запахать или засеять определенное поле и т. д. Такие наемные работники обозначаются иногда термином «qabblàn» [8] (предприниматель), употребляемым обычно для обозначения некоторых групп арендаторов и издольщиков. Иногда такие наемные работники получали не определенную плату, а часть урожая; особенно часто эта форма оплаты применялась для оплаты труда работников, нанятых для жатвы.

Śâxir и lâqit вербовались из числа совершенно обезземеленных мелких землевладельцев, арендаторов и издольщиков, лишившихся всяких средств к существованию и какой бы то ни было надежды на восстановление своего собственного хозяйства. Временными же наемными работниками становились также и такие мелкие землевладельцы, арендаторы и издольщики, которые вели свое самостоятельное хозяйство, но имели в своем распоряжении настолько мелкие участки земли, что не могли прокормиться.

Особо отмечается, что нанимающиеся в качестве работников мелкие землевладельцы требуют обычно более высокой оплаты своего труда, чем другие наемные работники. Об этом говорится, напр., при обсуждении вопроса о том, как должен землевладелец расплачиваться с работниками в случае, если он велел кому-либо пойти и нанять работников для полевых работ с оплатой по три динария в день, а тот пошел и нанял работников, условившись с ними об оплате в четыре динария.[9] Одни талмудисты предлагают решать такие споры на основании местных обычаев об оплате труда: «Пусть посмотрят, говорят они, как [за какую оплату] работники нанимаются [в данной местности]» — землевладелец должен в таких случаях уплатить нанятым работникам такое вознаграждение, какое наиболее обычно в данной местности. Но против такого решения вопроса имеются возражения: нельзя решить вопрос на основании местных обычаев, потому что «имеются [работники], которые нанимаются за четыре [динария], и имеются [работники], которые нанимаются за три. Могут [поэтому работники] сказать ему [землевладельцу-нанимателю]: „Если бы ты не сказал нам четыре, мы бы постарались наняться [у кого-либо другого] за четыре“. Также собственники [если работники являются собственниками] могут сказать ему [нанимателю]: „Если бы ты не сказал нам за четыре, нам позорно было бы наниматься“ [10] — за меньшую оплату работники-собственники не согласились бы наниматься.

Повышенная оплата наемных работников из числа мелких землевладельцев может быть объяснена, во-первых, тем, что, имея свое собственное хозяйство, — пусть крохотное, недостаточное для прокормления семьи, — они имели бóльшую возможность не соглашаться на слишком низкую

[1] Ibid., 77a.
[2] Ibid., 76b.
[3] Tj, Bâvâ mṣi'â VI, 1, 10d; Tb, Bâvâ mṣi'â 89b.
[4] Tj, Bâvâ mṣi'â VI, 1, 10d; Tosäftâ, Pe'âh 111, 1, 20, 27.
[5] Tb, Bâvâ mṣi'â 89b.
[6] Mišnâh, Bâvâ mṣi'â VII, 8; Tb., Bâvâ mṣi'â 73a; 93a.
[7] Ibid.
[8] Mišnâh, Pe'âh V, 5; Tosäftâ, Pe'âh 111, 1, 20, 27.
[9] Tb, Bâvâ mṣi'â 76a.
[10] Ibid.

оплату их труда; во-вторых, сезонным характером их работы — тем, что они нанимались в то время, когда спрос на наемный труд увеличивался. Работники же, лишенные какого бы то ни было собственного хозяйства, принуждены были соглашаться на любые условия оплаты их труда, даже самые мизерные.

2. Нередко, особенно по окончании сезона полевых, огородных и садовых работ, временный наемный работник оказывался безработным, не находил приложения своему труду. Выражения «poel bâtel» [1] (פועל בטל 'безработный работник'), «poalim batlânim» ('безработные работники') очень часто встречаются в талмудической литературе. Неоднократно там сказано: «Иди, посмотри, сколько безработных имеется на рынке», — где безработные собирались в ожидании спроса на их рабочие руки.[2]

Среди наемных работников было поэтому, на ряду с местными жителями, также и много пришедших в поисках работы из дальних местностей. О таких «пришлых» работниках говорит целый ряд указаний названных источников.[3] Так, в связи с обсуждением вопроса о времени начала и конца рабочего дня наемного работника говорится: «Посмотри, как принято. . . и посмотри, откуда пришли они» [4] — начало и окончание рабочего дня должны регулироваться местными обычаями [5] города и округа, где живет землевладелец-работодатель, или обычаями местности, откуда пришли наемные работники.

По мнению Реш-Лакиша (III в. н. э.), «наемный работник при приходе своем [вечером с работы домой] — из своего [времени]; при выходе [утром на работу] — из хозяина» [6] — время, требуемое работнику для своего прихода утром на место работы, засчитывается в счет рабочего времени, т. е. он выходит на работу лишь после того, как рассветает; время же, необходимое работнику на возвращение вечером к себе домой, не входит в рабочее время, т. е. рабочий обязан работать до того, как совершенно стемнеет, до наступления ночи. По поводу этого высказывания Реш-Лакиша указывается, что он имеет в виду такие местности, где не существует еще установленных местных обычаев, местные обычаи не успели еще выкристаллизоваться, сложиться, а наемные работники являются nquṭåe (נקוטאי)[7] — пришлые из разных местностей в поисках работы, так что трудно установить, какие местные обычаи существуют в округах или местностях, откуда они пришли.

Даже мелкие землевладельцы, еще имевшие свои собственные участки земли, принуждены были иногда переходить с места на место в поисках работы.

Указывается, что «собственник, который переезжает с места на место и нуждается, пусть берет šixḥåh, pe'âh и maaśer 'áni, а когда вернется к себе домой, заплатит» [8] — если мелкий землевладелец перекочевывает с места на место в поисках работы и оказывается, вследствие малой оплаты труда или вследствие невозможности найти работу, вынужденным прибегать для своего прокормления к посторонней материальной помощи, то имеет право пользоваться всякими подаяниями, предназначенными для бедных: разрозненными колосьями, оставшимися на поле после жатвы, забытыми на

[1] Tb, Båvå mṣi'å 76b и 77a.
[2] Tb, Brâxot 17b.
[3] Tb, Båvå mṣi'å 83a и b.
[4] Tb, Båvå mṣi'å 83a и b.
[5] Mišnåh, Båvå mṣi'å VII, 1.
[6] Tb, Båvå mṣi'å 83a и b. פועל בכניסתו משלו וביציאתו משל בעל הבית
[7] Tb, Båvå mṣi'å 83b.
[8] Mišnåh, Pe'åh V, 4.

поле снопами, урожаем оставляемого несжатым края поля и выделяемой для бедных десятиной. Когда же он вернется домой, он должен возместить взятое им из предназначенного для бедных.

Последнее постановление об обязанности бедняка-собственника возмещать по возвращении домой взятое им из подаяний для бедных встречает возражения: «Он беден был в то время» — в то время, когда он пользовался для своего пропитания плодами, предназначенными для бедных, он был беден, не имел никаких средств к существованию, следовательно, имел полное право пользоваться этими плодами, а потому и по возвращении домой, где у него имеется кое-какое крохотное хозяйство, он не должен компенсировать взятое им в свое время «по праву» бедности.

Наемные работники были крайне мало обеспечены, даже и имея работу; оплата их труда была большей частью очень низка. К тому же часто оплата их труда, особенно труда поденных наемных работников, подвергалась значительным колебаниям: часто снижалась на одну четверть обычной оплаты и больше.[1]

Поэтому наемные работники обычно приравнивались к бедным, не имевшим никаких источников существования. Так, напр., в подтверждение постановления о том, что «кормят бедных dmaj»,[2] можно отдавать бедным хлеб и плоды, про которые неизвестно, выделена ли из них, согласно религиозным предписаниям, десятая часть для жрецов, приводится рассказ о том, что р. Гамлиил, крупнейший представитель земельной знати в Палестине в I—II вв. н. э., кормил своих наемных работников dmaj.[3] Точно так же и многие другие постановления исходят из того, что наемные работники крайне бедны, а потому им разрешается пользоваться любыми подаяниями, предназначенными для бедных.[4]

В некоторых местностях землевладельцы предоставляли своим полевым наемным работникам готовую пищу[5], не желая, чтобы ради заботы о еде они отрывались от работы и вдали от хозяйского ока тратили бы на нее слишком много из рабочего времени. В этих целях землевладельцы-работодатели присутствовали при кормлении своих наемных работников, а иногда даже ели вместе с работниками, правильно рассчитывая на то, что их присутствие ускорит еду и максимально сократит потраченное на нее время.[6]

Получаемое в таких случаях работниками питание было весьма скудным. Об этом, между прочим, красноречиво свидетельствует следующий рассказ. «Землевладелец Иоханан б.-Маттия сказал своему сыну: „Пойди найми работников". Пошел [он] и назначил им питание», — условился с ними о том, что они будут получать питание. Иоханан, опасаясь, как бы работники не предъявляли каких-либо требований о более или менее сносном питании, сказал сыну: «Даже, если ты им сделаешь обед [похожий на обед] царя Соломона, они все равно останутся недовольными. . . До того, как они начали работу, иди и скажи им: „С условием, что получите для вашего пропитания лишь один хлеб да стручковые плоды"» [7] (вероятно, похлебку из стручковых плодов). Р. Симон б.-Гамлиил (II в. н. э.) заявляет, что Иоханан «не должен был говорить», — предупреждать работников о качестве и характере питания, так как в отношении питания наемных работников

---

[1] Tb, Båvå mṣi'å 76a; 77a.

[2] Mišnåh Dmaj III, 1.

[3] Ibid. Хлеб-dmaj и плоды-dmaj продавались гораздо дешевле обыкновенного хлеба, а потому Гамлиилу и выгодно было кормить ими своих наемных работников.

[4] Mišnåh, Pe'åh V, 6; Tosäftå, Pe'åh III, 1, 20, 27.

[5] Mišnåh, Båvå, mṣi'å VII, 1.

[6] Tb, Bråxot, 16a; 46a.

[7] Mišnåh, Båvå mṣi'å VII, 1.

следует все равно поступать «по обычаю страны»,[1] — работнику следует давать лишь такое питание, какое принято «по местным обычаям». Местные обычаи устанавливали, видимо, настолько низкий уровень питания наемных работников, что какие бы то ни было претензии со стороны наемных работников в отношении качества их питания оказывались совершенно исключенными и невозможными.

Между тем, это скудное питание часто полностью покрывало заработную плату наемных работников, которые кроме питания никакого другого дополнительного вознаграждения не получали за свой труд.[2]

Об отношении землевладельца-работодателя к питанию наемных работников свидетельствует, между прочим, и то, что котел, из которого работники ели все сообща, носил название evus (אבוס 'ясли')[3] — название, употребляемое для обозначения ясель для скота.

Имелось, правда, постановление, согласно которому сельскохозяйственные наемные работники имели право есть из продуктов обрабатываемого ими поля;[4] но это чисто декларативное право было обставлено столь многочисленными ограничениями, что в практике оно теряло всякое реальное значение. Фактически наемным работникам было запрещено в какой бы то ни было мере пользоваться для своего пропитания плодами обрабатываемого им поля.[5]

В то же время землевладельцы требовали от наемных работников интенсивного и напряженного труда и неустанно следили за ними, проверяли их работу, ее производительность. О стремлении землевладельцев максимально эксплоатировать труд наемных работников красноречиво говорят следующие сентенции: «День короток, а работы много; плата велика [по мнению работодателя] и работодатель притесняет [требует более усиленной работы»;[6] «Знай [работник] перед кем ты стоишь, и кто работодатель твой, который оплатит работу твою».[7]

В глазах работодателя всякая, даже самая мизерная оплата труда казалась слишком большой, а рабочий день слишком коротким, а потому он требовал все более и более интенсивной, напряженной работы, не останавливаясь при этом перед любыми средствами притеснения. Весьма характерна вторая сентенция, где работник застращивается присутствием работодателя и где ему внушается сознание величия и важности «благодетеля»-работодателя, трепет и страх перед ним. Он же, ведь, оплатит труд работника, следовательно, ему позволительно применять по отношению к работнику все меры принуждения и понукания; работник должен быть довольным, не роптать и не высказывать какого-либо неудовольствия, а стараться всеми силами выполнять любые требования своего работодателя, кому он обязан своим существованием, кто благодетельствует над ним, предоставляя ему работу и возможность заработать кусок хлеба с чечевичной похлебкой.

Землевладельцы требовали столь напряженной работы, что работники не могли долго выдерживать ее. В одной из сентенций говорится: «Обычно работник, работая совместно с владельцем [в его присутствии], два-три часа выполняет свою работу как следует быть, а затем начинает он лениться

[1] Mišnàh, Bâvâ mṣ'iâ VII, 1.
[2] Tb, Brâxot 16a. כאן בעושין בשכרן כאן בעושי ן בסעודתן
[3] Mišnâh, Ndârim IV, 4.
[4] Mišnâh, Bâvâ msi'â VII, 2.
[5] Ibid., VII, 3—5; Tb, Bâvâ mṣi'â 91b.
[6] Mišnâh, Âvot 11, 15.
[7] Ibid. Эти сентенции имеют, правда, богословский характер — имеют в виду отношения между богом и верными ему «сынами — слугами». Но, тем не менее, по образности выражений и по реальной их конкретности видно, что они взяты из непосредственной действительности существовавших тогда отношений между работодателями и их наемными работниками.

в работе своей»[1] — от усталости начинает отставать. Иоханан заявляет: «Если кому-либо отец оставил деньги, и он хочет их растратить, — пусть нанимает работников и не сидит с ними»[2] — не следит лично за их работой. Далее указывается, что слова Иоханана относятся особенно к таким работникам, которые были наняты для пахоты волами, так как в таких случаях особенно «велики убытки»,[3] если работники относятся к работе «нерадиво»; в таких случаях для землевладельца особенно важна максимальная эксплоатация работника. Наконец, рабби Элеазар б.-Симони (II в. н. э.) говорит: «Если видишь человек [в харчевне] держит стакан в руке своей и дремлет, — если работник он — поспешил сделать работу свою,[4] — встал рано, поэтому он от усталости дремлет сейчас».

3. В еврейских источниках раннего средневековья подробно рассматриваются также условия увольнения наемных работников и условия оставления наемными работниками работы до ее окончания. Некоторые исследователи, исказив настоящий смысл этого раздела талмудического законодательства, пытались использовать его для доказательства существования в еврейском обществе рассматриваемого времени «классового мира» и полного «благополучия» трудящихся. Рассмотрим поэтому этот вопрос более подробно.

Работника, кажущегося ему недостаточно усердным, наниматель мог всегда уволить, нарушив свою договоренность с ним о найме его на определенный срок. В случае отказа от использования нанятого наемного работника до того, как работник начал работу, наниматель ничего не должен был уплатить ему в возмещение потерянного им времени. Источники указывают, что в таких случаях уволенные работники «могут только обижаться на них» (e͡in lâhäm älâ tarʿumät),[5] на своих нанимателей, и не больше. Для поденного же работника потеря условленной работы влекла за собой потерю им всего рабочего дня, так как, пропустив установленное для найма поденных работников время, он уже не мог найти другую работу.

Если отказ от использования наемных работников был сделан нанимателем после того, как они уже начали работу, наниматель, по талмудическому праву, должен был уплатить им в виде компенсации некоторую часть условленной суммы оплаты за работу — «как за безделие».[6] Но и в этом случае компенсация не должна была уплачиваться работникам, если отказ нанимателя от их работы произошел вследствие наступления непредвиденных обстоятельств, препятствующих проведению намечавшейся работы. Так, напр., крупный землевладелец Рава (ум. в 352 г. н. э.) высказывает свое мнение, что в случае, когда «кто-либо нанял работников для копанья [канала или рва для ирригации], и вдруг пошел дождь и наполнил водой [то место, где предполагалось копать], — то если работники осмотрели землю с вечера, убыток — работников»[7] — если работники ознакомились заранее с местом предстоящей работы, наниматель не должен платить им компенсацию за простой, так как они должны были заранее предвидеть это. Далее, тот же Рава указывает, что «если кто-либо нанял работников для черпанья [воды для поливки полей], и пошел дождь [так что не было более

---

[1] Breŝit rabbâh LXV, 20.
[2] Tb, Bâvâ mṣiʿâ 29b и 30a; Ḥullin 84b.
[3] Ibid.
[4] Tb, Bâvâ mṣiʿâ 83b.
[5] Mišnâh, Bâvâ mṣiʿâ VI, 1; Tb, Bâvâ mṣiʿâ 76b. אין להם עליו אלא תרעומת
[6] Tb, Bavâ mṣiʿâ 76b. כפועל בטל
[7] Tb, Bâvâ mṣiʿâ 76b.

надобности в искусственном орошении полей], убыток — работников».[1] «Если кто-либо нанял работников для черпанья, и прекратилась вода в реке посреди дня [недостаточно было воды в реке для черпанья], то, если обычно не бывает, чтобы прекращалась [вода в реке], — убыток работников; когда же бывает, что прекращается, то, если они жители [данной] местности, — убыток работников; если же они не жители [данной] местности, — убыток владельца».[2] Если они жители данной местности, то они сами должны были заранее предвидеть возможность такого прекращения воды в реке, а потому наниматель не отвечает за потерянное ими время.

Наниматель мог ссылаться на различные непредвиденные обстоятельства, препятствующие проведению работы, и не оплачивать уволенных работников, терявших вследствие нарушения договора рабочий день. Сославшись на такие непредвиденные обстоятельства, работодатель мог всегда избавиться от нанятых работников без выплаты им компенсации, если менял почему-либо свое решение о проведении предполагавшейся работы, или если, в связи с падением цен на рабочие руки, находил других работников, которым мог платить меньше.[3]

Имеются постановления, согласно которым наемный работник также может отказаться от выполнения работы до того как начал работу.[4] Буржуазные исследователи,[5] всячески подчеркивая эти постановления, пытаются доказать, что наемные работники пользовались такими же правами, как и работодатели, в отношении отказа от выполнения работы. В действительности, однако, наемный работник не мог никогда воспользоваться своим якобы «правом» на прекращение работы. Работнику, как уже сказано, часто очень трудно было найти работу; весьма маловероятным бывали поэтому такие случаи, когда работник сам стал бы отказываться от работы после того как он договорился с работодателем. К тому же Рав (ум. в 247 г. н. э.), заявляя, что «poel [временный наемный работник] может отказаться [от выполнения работы] даже посреди дня»,[6] — указывает при этом, что работник, отказавшийся от работы, обязан позаботиться об окончании начатой им работы и за любую цену нанять за свой счет других работников для доведения ее до конца;[7] отказавшийся от работы нес полную ответственность за убыток, который мог понести работодатель из-за несвоевременного окончания работы.

Все это полностью обеспечивало работодателя от всякой возможности оставления работы наемным работником. Постановления о праве работников на оставление работы мы должны поэтому относить к числу тех талмудических постановлений и высказываний, которые имели своей целью затушевывание действительной эксплоатации трудящихся, сглаживание глубоких противоречий, существовавших между эксплоататорами и широкими массами эксплоатируемых.

---

[1] Если же работники были наняты для поливки полей и «пришла река», — черпанье воды оказалось излишним вследствие того, что река вышла из берегов и залила поля, — то, по мнению Равы, «убыток—владельца» (так как он должен был предвидеть возможность разлива реки); «и дает им, как работникам без дела» — наниматель должен уплатить им в виде компенсации часть условленной оплаты (Tb, Båvå msi'å 77a).

[2] Tb, Båvå msi'å 77a.

[3] Ibid.

[4] Tb, Båvå msi'å 76b.

[5] David Farbstein. Das Recht der unfreien und freien Arbeiter nach jüdisch-talmudischem Recht verglichen mit dem antiken, speciell mit dem römischen Recht. Frankfurt a/M., 1896, стр. 56, 57.

[6] Tb, Båvå qammå 116b; Båvå msi'å 10a; 77a.

[7] Tb, Båvå msi'å 76b.

4. В соответствии со значительным развитием скотоводства, как в Ираке, так и в Сирии среди наемных работников имелось большое число пастухов.

Землевладельцы, обладавшие большими стадами, имели отдельных пастухов; менее зажиточные нанимали пастухов сообща со своими соседями. Иногда жители целого поселения нанимали совместно одного или нескольких пастухов. Мелкий скот обычно пасли отдельно от крупного рогатого скота; пасшие крупный рогатый скот назывались baqqar или baqqårå (בקר, בקרא).[1] Термином «baqqårå» обозначались также пастухи, бравшие на себя за определенную плату обязанность выращивать молодняк или вообще откармливать скот в течение определенного промежутка времени.[2] Часто пастухи угоняли свои стада на отдаленные пастбища, в горы или степи,[3] вдаль от населенных пунктов. Но было много и таких пастухов, которые утром собирали скот, а вечером возвращали его владельцам.[4] Рассказывается о том, что иногда владельцы скота, не доверяя пастухам, давали им скот при свидетелях.[5]

Пастухи были ответственны за сохранность порученного им скота,[6] обязаны были заботиться о корме для него и т. п. Пастухам приходилось поэтому внимательно следить за скотом, различать его болезни, определять пригодность для корма тех или иных трав. В Ираке пастухи считались знатоками ветеринарии; рассказывается, что Рав «прожил восемнадцать месяцев у пастуха скота, чтобы узнать, какой mum (מום — физический недостаток) хронический, а какой переходящий».[7]

Несмотря на это, оплата труда пастухов была крайне низкой, условия их жизни очень тяжелыми. В талмудической литературе имеется даже указание, что пастухи иногда питались той же едой, которую они приготовляли для охраняющих стадо собак.[8]

Тяжелые условия жизни работников-пастухов способствовали обострению антагонизма между ними и землевладельцами. В то же время, угоняя стада на отдаленные пастбища, пастухи освобождались от повседневного контроля со стороны работодателей. Все это приводило, вероятно, к тому, что пастухи особенно часто оказывали сопротивление своим работодателям, боролись против их эксплоатации за улучшение своего положения.

Этим, повидимому, и объясняется то, что классовое право работодателей-землевладельцев ограничивало пастухов в правах еще более, чем другие категории наемных работников, низводило их до степени бесправных париев. Источниками в ряде сентенций и рассказов засвидетельствовано презрительное отношение землевладельцев к пастухам. В одной из таких сентенций с иронией сказано: «На том месте, где хозяин дома вешает свое оружие, бродяжничающий пастух повесил свою кружку» [9] — считается совершенно недопустимым, чтобы пастух вешал что-либо принадлежащее ему там, где хозяин-работодатель вешает свои вещи; при этом по отношению к работодателю говорится об оружии, по отношению же к пастуху презительно упоминается кружка, под чем подразумевается указание на то, что у пастуха ничего другого не имеется. Среди профессий, которым талмудисты рекомен-

---

[1] Tj, Beṣåh, V, 3, 63b; Tb, Båvå mṣi'å 42b.

[2] Tb, Båvå mṣi'å 42b.

[3] Mišnåh, Båvå qammå VII, 7; Tb, Båvå qammå 79[b].

[4] Tb, Båvå batrå 36a.

[5] Tb, Båvå mṣi'å 5a.

[6] Tb, Båvå mṣi'å 93b; 106a.

[7] Tb, Sanhädrin 5b.

[8] Mišnåh, Ḥallåh 1, 8. עיסת הכלבים בזמן שהרועים אוכלין ממנה חייבת בחלה

[9] Tb, Båvå msi'å 84b; Sanhädrin 103a. תמן אמרין באתר דמרי ביתא תלא זייניה כולבא דעיא קולתיה תלא. или דאמרי אינשי באתרא דמריה תלא ליה זייניה תמן קולבא רעיא קולתיה תלא.

дуют не обучать своих детей, упоминается и профессия пастуха.[1] Наконец, мы находим даже постановление о том, что пастухи не имеют права давать свидетельские показания, их свидетельские показания не действительны.[2]

Последнее постановление, ограничивающее права пастухов, некоторыми исследователями связывается с запрещением разводить мелкий скот.[3] Эти исследователи заявляют, что пастухов лишали права давать свидетельские показания, потому что они являлись нарушителями запрещения разводить мелкий скот. Но в талмудической литературе приводится специальное разъяснение Равы о том, что и пастухи крупного рогатого скота [4] лишены права давать свидетельские показания. Разведение же крупного скота не было запрещено, — следовательно, ограничение пастухов в правах отнюдь не было связано с запрещением разводить скот, а соответствовало их специфическому положению в рассматриваемое время, являлось орудием классового угнетения.

Ограничение прав пастухов мотивируется тем, что пастухи нередко загоняют стада на потраву чужих полей, а следовательно, способны вообще на похищение чужого имущества — воровство.[5] Это указание также является, понятно, только позднейшей попыткой объяснения причины возникновения постановлений, ограничивавших права пастухов.

Интересно отметить, что в дальнейшем, понятно не без упорной борьбы со стороны пастухов за восстановление своих прав, стало невозможным сохранять в силе постановления об ограничении прав пастухов; талмудистам пришлось разъяснить, что эти постановления относятся только к тем пастухам, которые пасут свой собственный скот, к пастухам-собственникам, мотивируя это свое странное разъяснение тем, что «человек не станет же грешить без пользы для себя»,[6] — пасущий чужой скот не может быть заинтересован в том, чтобы пускать этот скот на потраву чужих полей, и, следовательно, ограничение пастухов в правах не должно коснуться его.

В сельском хозяйстве Ирака и Сирии, на ряду с арендой и издольщиной, пришедшим на смену разлагавшемуся рабству и все более и более вытеснявшемуся мелкому землевладению, во II—V вв. н. э. пользовались также и наемным трудом.

Положение наемных работников было очень тяжелым. Оплата их труда была большей частью крайне низка. К тому же она подвергалась большим колебаниям, что еще больше ухудшало их и без того бедственное положение. Землевладельцы-работодатели пользовались этими колебаниями для снижения размеров оплаты труда наемных работников, в то же время они требовали от них беспрерывного напряженного труда от зари и до поздней ночи, неустанно следили за их работой, стремясь всеми мерами к возможно бóльшей их эксплоатации, к максимальному повышению производительности их труда. Часто наемные работники не находили применения для своего труда и оставались безработными. От безработицы особенно страдали сезонные работники по окончании сезона полевых, огородных и садовых работ. В поисках работы безработные переходили с места на место, но и на новых местах не всегда им удавалось найти себе работу.

Тяжелые условия жизни наемных работников, жестокая их эксплоата-

[1] Tb, Qiddušin 82a.
[2] Tb, Sanhädrin 25a.
[3] Mišnah, Båvå qammå VII, 7; Tb, Båvå qammå 79b; 80a; Tosäftå, Båvå qammå VIII, 11. 362, 3—7.
[4] Tb, Sanhädrin 25b.
[5] Ibid.
[6] Tb, Båvå msi'å 5b.

ция вызывали резкое обострение противоречий между ними и землевладельцами-работодателями, создавали сильнейший антагонизм между ними, сделали неизбежной ожесточенную борьбу наемных работников с их эксплоататорами-землевладельцами.

О СИСТЕМЕ ПЕРЕДАЧИ ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКИХ И АРАМЕЙСКИХ СЛОВ

При передаче древне-еврейских и арамейских слов мы старались придерживаться транслитерации, т. е. буквальной передачи.

В соответствии с этим мы гласные ַ (ָ), ֲ (ֳ), ֶ (ֵ), ִ, ֹ, ֻ (|ּ), ָ(·|) передаем через *a*, *ä*, *â*, *e*, *i*, *o*, *u* без обозначения их количества (долготы или краткости); ̀wâ (ָ) не обозначается как šwå mobile, так и šwå quiescens. Из согласных ב, ו, כ, כּ, פ, צ, ק, שׂ, שׁ, ת (как с дагешом [תּ], так и без дагеша [ת]) передаются через *v*, *w*, *x* (русское) *k*, *f*, *ṣ*, *q*, *š*, *ṡ*, *t*.

Этой системы транслитерации мы придерживались также при указании в сносках названий цитируемых источников.